

УДК 811.111: 81.42 + 801. 631. 5

**ПРОТОТИПИЧЕСКОЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКОЕ  
ПРОЧТЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА  
(на материале американской поэзии)  
Л.И. Белехова (Херсон, Украина)**

**Л.И. Белехова. Прототипическое и непрототипическое прочтение поэтического текста (на материале американской поэзии).** В статье выявляются когнитивные процессы и операции, обеспечивающие прототипическое или непрототипическое прочтение поэтического текста. Первое понимается как центральное прочтение, раскрывающее содержание и основной смысл текста, типичные для трактовок большинства интерпретаторов. Непрототипическое прочтение ведёт к различным интерпретациям поэтического текста: либо к его углубленной интерпретации, улавливающей маргинальные скрытые смыслы, либо к недо-интерпретации, игнорирующей некоторые оттенки значения словесного поэтического образа, присутствующего в образном пространстве поэтического текста.

**Ключевые слова:** когнитивные процессы и операции, недо-интерпретация, образное пространство, поэтический текст, прототипическое и непрототипическое прочтение, словесный поэтический образ, углубленная интерпретация.

**Л.І. Белехова. Прототипне й непрототипне прочитання поетичного тексту (на матеріалі американської поезії).** У статті виявлено когнітивні процеси й операції, які забезпечують прототипне або непрототипне прочитання поетичного тексту. Перше визначається як центральне прочитання, що розкриває його зміст та основний смисл, які стають типовими для тлумачень більшості інтерпретаторів. Непрототипне прочитання веде до різних інтерпретацій поетичного тексту: або до його поглибленої інтерпретації, за якої схоплюються певні маргінальні приховані смисли, або до недо-інтерпретації, що ігнорує деякі відтінки значення словесного поетичного образу, наявного в образному просторі поетичного тексту.

**Ключові слова:** когнітивні процеси й операції, недо-інтерпретація, образний простір, поглиблена інтерпретація, поетичний текст, прототипне й непрототипне прочитання, словесний поетичний образ.

**L.I. Belehova. Prototypical and non-prototypical reading of a poetic text (a case study of American poetry).** This article aims to elicit cognitive processes and operations which underpin prototypical and non-prototypical readings of a poetic text. Prototypical reading is the central reading of a poetic text, the one which provides an access to the content and message of the text, as seen by most interpreters. A non-prototypical reading of a poetic text results in its multiple interpretations, leading either to in-depth interpretation, which captures some marginal hidden senses of the text, or to under-interpretation that ignores the subtle nuances of semantics, inherent in a verbal poetic image integrated into the imagery space of a poetic text.

**Key words:** cognitive processes and operations, imagery space, in-depth interpretation, poetic text, prototypical and non-prototypical reading, under-interpretation, verbal poetic image.

Данная статья посвящена развитию идей Ольги Петровны Воробьёвой, высказанных в ее работах по исследованию художественной семантики текста, выполненных в русле когнитивной поэтики и пополнивших ее новым ответвлением – когнитивной эмотиологией, в котором теория эмоционального резонанса, эвристика художественного текста получили импульс для дальнейшего развития [см., напр., Воробьёва 2004; 2006; 2008; 2010].

Теоретико-методологической основой предлагаемой статьи, в фокусе которой пребывает проблематика восприятия и понимания поэтического текста, явились положения когнитивной поэтики относительно толкования текста, поэтического в частности, как произведения словесного искусства и как эстетического события [Щирова 2009: 730], как продукта индивидуального творческого сознания, познающего разума [Freeman 2000: 253]. При этом интерпретация поэтического текста понимается как продукт другого познающего разума в контексте тех физических и социокультурных миров, где он создается и читается [там же; Воробьёва 2009: 764]. Составляющими теоретико-методологической базы данной работы являются также постулаты теории схем и тестовых миров [Semino 1997; 2002], теории когнитивной метафоры [Lakoff, Johnson 1980; 1999] и концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 1997; 2000], служащие не только раскрытию лингвокогнитивных механизмов формирования и функционирования словесных поэтических образов в поэтических текстах, но и объяснению того, как постигается улавливание скрытых смыслов, темных, неясных мест семантики текста (*dark matters of semantics*) [Fauconnier 2010].

Выбор образного пространства поэтического текста в качестве **объекта** анализа, а когнитивных операций, обеспечивающих прототипическое или непрототипическое прочтение текста, в качестве **предмета** изучения обусловлен главным образом тем, что эмотивно-эстетическая функция поэтической речи реализуется именно посредством её образной системы. Поэтический текст отражает специфику художественного мышления, конститутивным признаком которого является образность [Маслова 2010: 23]. Поэзия – это не столько рефлексия на мир, сколько рефлексия на эмоциональный опыт, связанный с существованием в этом мире, а также результат самой рефлексии, зафиксированный в языке поэтического текста [там же: 106].

**Актуальность** исследования состоит в общей направленности современной поэтики на рассмотрение семантики художественного текста в плоскости ментальных процессов, что помогает уточнить характер взаимодействия между языком и мышлением, раскрыть механизмы авторской креативности, выяснить, как образ объективирует в словесных формах знание о мире и языке и воздействует на читателя. Выявление когнитивных операций, участвующих в процессе прототипического или непрототипического прочтения поэтического текста, способствует разъяснению когнитивной деятельности читателя (интерпретатора), ведущей к успешной художественной коммуникации.

Вслед за М. Фримен, под *прототипическим* прочтением поэтического текста понимаем центральное, разделяемое большинством интерпретаторов, когнитивное прочтение, обеспечивающее адекватную интерпретацию и извлечение основного смысла текста [Freeman 1997:105]. *Непрототипическое* прочтение толкуется нами как такое, которое может привести, в терминах У. Эко [Eco 1992: 23], к недоинтерпретации (*underinterpretation*), т.е. потере или искажению информации, или же к более глубокой интерпретации, способствующей выявлению тех тончайших нюансов значения номинативных единиц, скрытого смысла, передаваемого образностью текста и постигаемого благодаря определенным когнитивным операциям и процедурам, задействованным в процессе чтения, которые в значительной мере не заложены в тексте изначально, а привносятся читателем благодаря его поэтической компетенции.

Предпосылкой выбора проблематики исследования стала дискуссия, развернувшаяся на конференции “Cognition and Literary Interpretation in Practice” (Хельсинки, 27-28 августа 2004 г.) по поводу места и роли курса “Интерпретация текста” в учебной программе университетов. Обеспокоенные спадом интереса к изучению литературы, вызванным влиянием интернет-коммуникации, ростом публикаций так называемых сокращенных версий художественных произведений (*digest literature*), лингвисты высказывали различные мнения относительно усовершенствования методов обучения чтению художественной литературы, способствующих, в терминах Р. Барта, получению удовольствия и наслаждения от чтения [Барт 1994: 470].

**Цель** данного исследования – выявление когнитивных и лингвокогнитивных операций, обеспечивающих непрототипическое, углубленное, неординарное прочтение поэтического текста, которое впоследствии может стать его прототипическим прочтением. Осуществление этой цели предполагает систематизацию научных взглядов по проблеме когнитивного прочтения художественного текста и разработку методики когнитивной интерпретации поэтического текста, своего рода алгоритма (как системы приемов и действий), позволяющего объяснить, каким образом достигается эмоционально-эстетическое воздействие текста на читателя, как эмоция и когниция взаимодействуют при формировании чувства сопереживания при чтении поэтического текста.

Аналитический обзор работ, посвященных проблеме чтения художественного текста, позволил выделить три основных, в целом не взаимопротиворечащих, а взаимодополняющих направлений исследования: 1) работы, ориентированные на выявление авторских интенций или замысла (*author-centered*) [см., например, Freeman 1995: 643–666; Тарасова 2003; Тюкина 2005], 2) исследования, сосредоточенные исключительно на текстовом пространстве (*text-centered*) [Трофимова 2009; Тураева 2012; Ljungberg 2006: 105–124] и 3) исследования, фокусом которых является изучение фактора адресата (*reader-centered*) [Воробьева 1989: 12–14; 1992: 36–39; Vorobyova 1996:

165; Золян 1990: 351–356]. В каждом из направлений можно выделить разные подходы к описанию операций, задействованных в процессе чтения. Не останавливаясь на анализе работ, выполненных в русле традиционной лингвистики, сконцентрируем внимание лишь на тех, в которых названные направления получили развитие в когнитивной парадигме лингвистического знания.

Так, в русле первого направления с позиций когнитивного подхода к изучению поэтического текста установлены различия в когнитивных стратегиях поэтов при создании парадоксальных высказываний [Ляпон 2005]; выявлены особенности поэтики У. Шекспира и смоделировано концептуальное пространство трагического в его драмах [Ніконова 2008]; на основе реконструкции индивидуально-авторских концептуальных метафор определены особенности когнитивного стиля автора [Безребра 2008]; изучены лексико-грамматические средства, эксплицирующие идиолект и идиостиль автора [Муратова 2011]; описан комплекс разнородных ощущений автора через раскрытие механизмов словесно-поэтической синестезии, понимаемой как лингвокогнитивный конструкт, содержащий информацию об этих ощущениях [Редька 2007: 27–32]. Вычленение авторских концептуальных метафор в поэзии Эмили Дикинсон, выявление специфики индивидуально-авторского осмысления концепта ВРЕМЯ позволило М. Фримен установить авторство неизвестных стихов, отличить подлинник от подделки [Freeman 1995].

Текстоцентрические исследования, базирующиеся на идеях Р. Барта о “смерти автора”, “тексте-удовольствии” и “тексте-наслаждении” [Барт 1994: 470] и положениях когнитивной лингвистики о концептуальных тропах и концептуальной интеграции, о композиционно-смысловой и синтаксической организации текста, посвящены исключительно анализу текстового пространства, текстуры текста (*texture*) [см., например, Stockwell 2002б: 73–94]. В таких работах путем лингвокогнитивного анализа тропов и фигур поэтических текстов [Філіпчик 2000; Димитренко 2000; Маріна 2004], реконструкции образ-схем как пространственных схемных образов ориентации в повествовательном континууме [Ljungberg 2006: 105–124], выявления особенностей композиционной и синтаксической организации поэтических текстов [Ляшик 2006; Стрільчук 2009], анализа видов их тональности, связанных с различными когнитивными операциями их прочтения [Мороз 2012], определены стратегии и тактики интерпретации текста [Співак 2004], раскрыты когнитивные механизмы формирования различных типов словесных образов [Горчак 2009; Воробей 2011], а также конструирования значения и порождения эмоциогенных смыслов в синестезии разных семиотических кодов [Воробьёва 2006; 2010; Шурма 2009].

И хотя идея самодостаточного текста была отвергнута рецептивной эстетикой, поэтикой восприятия и нарратологией, осознавших значимость не только глубинной структуры текста, но и диалогического взаимодействия

автора и читателя [Щирова 2009: 728], наработки в области изучения семантики художественного текста оказались плодотворными для пояснения когнитивной интерпретации и процессов прочтения текста, обеспечивающих адекватное понимание и восприятие его содержания и смысла.

Среди работ, посвященных изучению фактора адресата, мы опираемся на исследования О.П. Воробьевой, в которых адресованность понимается как текстовая категория, отражающая опредмеченную в семантике и структуре текста его направленность на предполагаемого адресата коммуникации, задающая определенную модель интерпретации текста и служащая семантической базой текстовой рецепции [Воробьева 1993: 15]. Такое понимание согласуется с идеями представителей современной когнитивной поэтики, которые, настаивая на динамической природе чтения и ведущей роли в нем когнитивной деятельности читателя, фокусируют внимание и на читателе, и на процессе декодирования содержания текста, тем самым предлагая более полное объяснение чтения путем описания пространства “автор-текст-читатель” [Stockwell 2002a: 168], уточняя корреляцию понятий автор и читатель на основе их комплексного описания как ведущих антропоцентров текста.

По мнению Дэвида Мьяля, прочтение текста, ведущее к его адекватному толкованию, требует соблюдения трёх принципов, которые он называет принципами трёх “э”: *evolution* – эволюции (под которой понимается знание эпохи, контекста, особенностей литературно-стилевых направлений и биографических данных автора произведения, повлиявших на выбор его тематики, стиля и жанра), *empiricism* – эмпирицизма, т.е. ощущения, прочувствования и переживания (*experiencing*) текста, достигаемого путем стилистического декодирования, и, наконец, *emotion* – эмотивности, выявляемой через анализ экспрессивных языковых и стилистических средств [Miall 2006: 133, 134]. Переосмысливая и развивая концепцию чтения Д. Мьяля, в контексте данной статьи предлагаем следующий алгоритм углубленного прочтения поэтического текста, который включает различные когнитивные процессы, операции и процедуры, обеспечивающие экспликацию авторской интенции, содержания, тончайших нюансов смысла текста, и поясняющие то, как возникает эмоционально-эстетическое чувство от прочитанного. Иными словами, в задачу статьи входит объяснение того, почему можно, перефразируя А.С. Пушкина, над вымыслом обливаться слезами, каким образом достигается интеллектуальное наслаждение и эстетическое удовольствие в результате когнитивной обработки поэтического текста.

В современной когнитивной науке общепризнанным является тот факт, что человек сознательно использует лишь небольшую часть ресурсов мозга, в то время как основная его часть связана с бессознательным, в котором присутствует и то, что К. Юнг называл “коллективным бессознательным”. Таковое является не бездеятельным состоянием, а праформой сознания, способной воздействовать на внутренний мир человека [Юнг 1996: 102].

Это родовая память человечества, итог жизни рода, она присуща всем людям и служит основой индивидуальной психики и её культурного своеобразия, проявляющегося в архетипических образах [Юнг 1991: 122; 1997: 148]. Креативность автора, равно как и эвристическая деятельность читателя во многом зиждется на воображении и интуиции, автоматических, бессознательных операциях поэтического мышления, в большей степени опирающихся на иррациональное, чем на рациональное начало.

Учитывая вышеизложенное и понимая чтение поэтического текста как речемыслительную деятельность по извлечению содержательно-фактуальной, концептуальной и подтекстовой (имплицитной) информации [Гальперин 1991: 41–50], мы представляем алгоритм его прочтения как систему взаимосвязанных когнитивных операций и процедур, применяемых читателем/интерпретатором сознательно и бессознательно (автоматически), благодаря поэтической и лингвистической компетенции. Согласно трем видам информации, воплощаемых в поэтических текстах, выделяем три основных когнитивных процесса: симуляцию, инференцию (декодирование) и эмпатизацию, которые сопровождаются различными когнитивными операциями и процедурами.

**Симуляция** рассматривается как когнитивное основание предкатегориальной деятельности, имитация ментального образа в сознании читателя, возникающая во время архетипного анализа семантики поэтического текста и сопровождаемая когнитивными операциями активации и активизации структур знаний об архетипических символах, мотивах и сюжетах путем привлечения фоновых и энциклопедических знаний, почерпнутых в результате тезаурусного анализа справочной литературы по архетипам.

**Эмпатизация** как процесс, способствующий возникновению наслаждения от текста, реализуется благодаря когнитивным операциям ассоциации и бисоциации, при помощи которых происходит активация стереотипных ментальных схем читателя [Мороз 2012: 19].

Когнитивный процесс **инференции**, направленный на получение выводного знания путем раскрытия содержания и извлечения смысла поэтического текста, предполагает когнитивную интерпретацию его образного пространства посредством раскрытия лингвокогнитивных механизмов создания разных типов словесно-поэтических образов и выяснения характера *картирования* структур знания из области источника (source domain) на область цели (target domain). Вслед за М. Фримен, различающей виды системного аналогового концептуального картирования (атрибутивное и релятивное) [Freeman 2000: 253], мы дополнительно выделяем такой его вид, как ситуативное, а также контрастивное и нарративное, и, кроме того, вводим понятие конструктивно-творческого картирования, осуществляемого на разных уровнях текста и понимаемое как проецирование потенциальных свойств языковых единиц на словесную ткань образов в поэтическом тексте.

В своём исследовании мы исходим из того, что эволюция словесного поэтического образа вообще и в американской поэзии в частности, специфика его вербального оформления в современный период тесно связана с изменениями типов художественного сознания и развитием видов поэтического мышления – от синкретического мифопоэтического мышления в архаическую эпоху его становления к аналоговому и ассоциативному в канонический период развития и далее к парадоксальному, параболическому и эссеистическому поэтическому мышлению на индивидуально-творческом этапе поэтического творчества [Аверинцев, Андреев и др. 1994: 3–6; Эпштейн 1988: 378; Белехова 2002: 23–25].

Каждый вид картирования воплощает тот или иной вид поэтического мышления [Белехова 2002: 153–159]. Так, в основе *аналогового* (атрибутивного, релятивного и ситуативного) картирования лежит аналоговое поэтическое мышление, позволяющее проецировать признаки, отношения и события одной области образа на другую: “*The shoots green as paint and leaves like tongue*” (NA, Logan: 546). *Субститутивное* картирование понимается как замещение целого частью, одной структуры знания иной в ходе реализации ассоциативного поэтического мышления: “*There'll be many a dry eye at his funeral*” (Sandburg CP: 346). Парадоксальное поэтическое мышление служит основой *контрастного* картирования [Gibbs 1993; Белехова 2002: 188–190; Марина 2006], вследствие чего одна область знания сталкивается или перекрещивается с другой: “*My father moved through griefs of joy*” (OB, cummings: 938). *Нарративное* картирование рассматривается как проецирование сюжета или мотива художественного произведения, исторического или обыденного события жизни на содержание поэтического образа путем их переосмысления в ходе параболического или эссеистического поэтического мышления [Молчанова 2000: 77; Turner 1998: 253–289]: “*She stared at him in a “Et-tu-Brutus” look*” (PA, Snyder: 134). Человеческое мышление прибегает к нарративному воображению – иносказанию постоянно, но незаметно, поскольку сам повседневный жизненный опыт организован в виде нарративного потока. Даже абстрактные понятия человек осознает иносказательно, моделируя их в тропеических терминах: *время не ждет, любовь зла, надежда умирает последней* и т. д. [Молчанова 2007: 35]. Нарративное картирование возможно благодаря присущему человеку особому типу мышления – параболическому, состоящему в умении категоризировать окружающий мир с помощью упаковывания своего опыта в сценарии или истории. Параболическое мышление лежит в основе создания параболических словесных образов, основным механизмом формирования которых является нарративное картирование – проецирование известных мотивов, сюжетов путем прямого цитирования известных выражений или же использования говорящих имен и перифразирования [Белехова 2002: 82–84].

И, наконец, конструктивно-творческое картирование трактуется как обыгрывание потенциальных синтагматических и парадигматических

свойств языковых единиц путем их проецирования на семантико-синтаксическую структуру словесного поэтического образа [подробнее см.: Белехова 2002: 178–207]: “*My father moved through theirs of we*” (OB, cummings: 939).

Трактуя словесный поэтический образ как трёхмерную величину, инкорпорирующую предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси [Белехова 2002: 7] в образном пространстве американской поэзии на основе комплекса критериев, разработанных с учетом функционального, семантического, синтаксического и когнитивного параметров образа, мы выделяем старые (архетипные, стереотипные) и новые (идиотипные и кенотипные – древнегреческое *idios* «новый, особый», *kainos* «новый, непривычный»). Предконцептуальную ипостась словесного образа понимаем как *смысл* образа, его архетип, автоматически активируемый бессознательными когнитивными операциями [Lakoff, Johnson 1999: 10–13]. В контексте работы когнитивное бессознательное понимается как предкатегориальная деятельность, возможность осуществления которой обусловлена наличием эмоциогенных предзнаний, вызванных эмоциональным опытом человека, хранящимся в коллективном бессознательном [Воробьёва 1995: 240; Tsur 1992: 56–62]. Архетип является формой существования коллективного бессознательного, наполняемого содержанием в сознании через соотнесение с мифологическими образами, символами, мотивами и сюжетами [Юнг 1997: 63; Campbell 1988: 18].

Концептуальная ипостась является когнитивным кодом словесного поэтического образа, отражающим обобщенное *содержание*. Формирование концептуальной ипостаси словесного поэтического образа осуществляется через лингвокогнитивные трансформации образ-схем областей источника и цели (source and target domains) на базе различных видов поэтического осмысления с помощью лингвокогнитивных операций картирования (mapping) и лингвокогнитивных процедур *расширения, обобщения, перспективизации, компрессии, сталкивания, комбинации и интертекстуализации* [см. Lakoff, Johnson 1999; Fauconnier 1997; Turner 1998; Fauconnier, Turner 2002; Kövecses 2000].

Исследование основывается на мысли о том, что каждый поэтический образ существует не сам по себе, а оказывается встроенным, вписанным в семантическое пространство всего поэтического текста и, шире, во всё семантическое пространство американской поэзии, которое, вслед за Ю.М. Лотманом, рассматриваем как часть семиосферы, семиотического пространства мировой культуры [Лотман 1996: 433]. Образное пространство поэтического текста – это картина “места проживания” и взаимодействия типологически различных образов [Гаспаров 1996: 144]. Образные “ландшафты” текстов разнятся между собой тем, как словесные поэтические образы вплетены в ткань стихотворного произведения. Раскрытие лингвокогнитивного механизма встроенности словесных поэтических образов



в поэтический текст обеспечивает адекватную интерпретацию его содержания, распределения знания, опредмеченного в его семантике.

В поэтическом тексте формируется особый вид знания, в нем важна не столько фактологическая информация, сколько субъективное видение фрагментов картины мира [Маслова 2010: 52]. В ходе чтения текста у читателя активизируются разные по степени сложности схемы знания, активируемые семантикой текста. Под схемой знания как одной из форм функционирования образа мира у индивида понимается динамическое ментальное образование той или иной степени обобщения, формирующееся на перцептивно-когнитивно-аффективной базе [Залевская 2005: 441], конкретизируемое в зависимости от описываемой текстовой ситуации и способное трансформироваться под воздействием новых, кенотипных образов, осуществляющих концептуальный прорыв в сознании читателя [Белехова 2002: 359].

Успешная художественная коммуникация обеспечивается за счет сходства в конфигурации различных схем знаний и когнитивным операциям их интерпретации, так как механизмы создания текста схожи с механизмами его декодирования.

Опираясь на теорию схем Е. Семино, схему закрепления знания (*reinforcement schema*) понимаем как когнитивную структуру, содержащую концептуальные метафоры, входящие в “Великую цепь бытия”, определяемую Дж. Лакоффом и М. Тернером как код культуры человечества [Lakoff, Turner 1989: 221–223]. Схема обновления знания (*refreshment schema*) возникает при условии, если в поэтическом тексте базовые концептуальные схемы подвергаются *расширению, конкретизации, переосмыслению, спецификации и модификации* [Lakoff, Turner 1989: 67–72; 97–100; Fauconnier, Turner 1998: 270]. Кроме того, выделяем еще одну схему знания – *схему озарения* – как результат формирования нового понимания, видения предмета, явления или события, описываемого в тексте при помощи новых образов, кенотипов. Такие словесные образы созданы путем модификации или даже разрушения привычных концептуальных схем, лежащих в их основе.

Исходной гипотезой данного исследования служит предположение о том, что к прототипическому прочтению тяготеют поэтические тексты, в образном пространстве которых преобладают архетипные и стереотипные образы, содержащие опредмеченные устойчивые знания о фрагментах картины мира, разделяемые предполагаемым читателем, и поэтому содержание и смысл таких текстов легко поддается декодированию. Напротив, тексты, в которых есть кенотипные или же большое количество идиотипных словесных поэтических образов, содержащих специфические лексико-грамматические конструкции, имена собственные и неологизмы, требуют непрототипического прочтения.

Если схемы знания о тех или иных предметах и явлениях картины мира, представленной в тексте, совпадают со схемами, укорененными в сознании

читателя, схватывание основного содержания и смысла поэтического текста не требует дополнительных когнитивных усилий читателя. Так, например, описанное в поэтическом тексте К. Сэндберга представление о счастье, оправдывает читательские ожидания:

### **HAPPINESS**

*I asked professors who teach the meaning of life to tell me what is happiness  
And I went to famous executives who boss the work of thousands of men.  
They all shook their heads and gave me a smile as though I was trying to fool them.  
And then on Sunday afternoon I wandered out along the Displaines river  
And I saw a crowd of Hungarians under the trees with their women and  
children and a keg of beer and an accordion.*

(Sanburg CP: 10)

Прототипическое прочтение достигается уже в первом чтении благодаря совпадению схем знания, опредмеченных в тексте, и тех, которые укоренены в сознании читателя в результате жизненного опыта, формирующего его фоновые знания. Стереотипная схема знания о том, что семья, дети, совместное препровождение досуга ассоциируется со счастьем, способствует *инференции* основного смысла приведенного стихотворения.

Поэтические тексты, содержащие известные, универсальные символы, также легко подвергаются прототипическому прочтению. Так, смыслосчитывание имажинистского текста К. Сэндберга “Мудрый выбор” осуществляется благодаря концептуальной метафоре ПРИРОДА – ЭТО МУДРОСТЬ, реконструируемой путем семантического анализа ключевых номинативных единиц и инференции концептуальных импликаций, передаваемых колоративными символами.

### **WISE CHOICE**

*The green bug sleeps in white lily ear.  
The red bug sleeps in the white magnolia.  
Shiny wings, you are choosers of color.  
You have taken your summer bungalows wisely.*

(Sanburg CP: 19)

Декодирование подтекстовой информации, содержащейся в семантике архетипической символики цвета и цветов природы, помогает раскрытию содержания стиха. Красный цвет в этом контексте символизирует зрелость, опытность, энергичность, а зеленый – молодость, незрелость. Молодой жук (*the green bug*) выбирает лилию, форма которой (*lily ear*) служит защитой от опасности. Кроме того, цветок лилии – символ чистой, юношеской любви. А красный жук – опытный, уверенный в себе – поселяется в магнолии, считающейся символом зрелой любви и уважения [Холл 1997: 147].

Для сравнения выявим когнитивные операции, участвующие в процессе чтения поэтического текста Р. Фроста, относящегося к символической поэзии:

***DUST OF SNOW***  
*The way a crow*  
*Shook down on me*  
*The dust of snow*  
*From a hemlock tree*

*Has given my heart*  
*A change of mood*  
*And saved some part*  
*Of a day I had rued.*  
 (Frost CP: 34)

Даже беглое прочтение этого текста вызывает эмоциональный отклик и эстетическое удовлетворение благодаря позитивной тональности, создаваемой на фонетическом уровне ритмико-синтаксической организацией стиха: наличием рифмы, ритма, эксплицитно выраженных причинно-следственных отношений в высказывании, представленном сложным предложением, охватывающим весь поэтический текст (причиной изменения настроения явилось то, *как* посыпался снег, сброшенный вороной), а также за счет легко узнаваемых глобальных (универсальных) символов и ярко выраженному контрасту в его композиционно-смысловой структуре.

Анализ 570 интерпретаций этого поэтического текста, размещенных на интернет-сайте, свидетельствует о том, что большинство из них (512) – результат прототипического прочтения, в котором прослеживается общее для всех определение позитивной тональности и основного смысла текста, вычлененного путем реконструкции концептуальной метафоры: ПРИРОДА – ЭТО ЛЕКАРЬ (el. ref.: R. Frost). Выявление этой метафоры осуществлено благодаря анализу глобальных образов-символов *snow* – снег и *a crow* – ворона. Концептуальная структура этих образов содержит концептуальные импликации: *очищение* и *предвестие печального события*, соответственно. Поскольку в поэтическом тексте словесные образы-символы употребляются не изолированно, а в сочетании с другими образами, их значение конструируется исходя из контекстного окружения. На наш взгляд, именно номинативная единица *The way*, стоящая в сильной позиции текста и вводящая словесный образ вороны (символ предвестия беды), стряхивающей снег с хвойного дерева, способствует *симуляции* образа снежной завесы, занавеса от неприятностей, которые ожидает лирический герой от уже испорченного им дня *a day I had rued*. Именно благодаря этому образу негативные коннотации, содержащиеся в семантической структуре лексем *dust*, *crow*, *hemlock*, *rue* и служащие сигналами активации содержания архетипа Смерть, нейтрализуются.

Остальные 58 различных интерпретаций фростовского текста – результат непрототипического прочтения, расцениваемого нами либо как недоинтерпретации (9), не соответствующие его содержанию, либо как надинтерпретации (49), ведущие к многообразию толкований.

Так, в автор-центричных (author-centered) интерпретациях, опирающихся только на анализ экстралингвистических факторов, в частности на знание биографических подробностей жизни и творчества Р. Фроста, а именно факта о том, что он исповедовал трансцендентальные взгляды, унаследованные им от Р. Эмерсона (el. ref.: R Frost), стихотворение истолковывается как размышление о самоубийстве (поскольку день уже разрушен) и новом видении себя в другой жизни, об очищении от грехов. Такую интерпретацию мы квалифицируем как недоинтерпретацию, игнорирующую анализ семантики текста и вписанных в них стратегий и тактик интерпретации.

Разделяя мнение О.П. Воробьёвой о вписанности, встроенности стратегий интерпретации художественного текста в нем самом [Vorobyova 1996: 165], мы считаем, что непрототипическое прочтение текста, ориентированное на извлечение маргинальных скрытых смыслов, требует дополнительных когнитивных операций по обработке его образного пространства, реализующих стратегии освоения образного пространства и инференции относительно содержания и смысла семантического пространства текста.

Углубленное, непрототипическое прочтение предполагает не одноразовое чтение текста, а движение по так называемому герменевтическому кругу, направляющему движение мысли читателя от догадки относительно того, в чем состоит общий смысл текста, к анализу частных. Такое движение подтверждает или опровергает первоначальную догадку, наращивает новые частные смыслы. Последующее возвращение к целому уточняет интерпретацию и проливает свет на частности. “Эти челночные операции называют кругом: чтобы понять, приходится объяснять, а чтобы объяснить – понять” [Арнольд 1999: 408]. “Поэзия, даже самая малопонятная, рождается в понимании и для понимания” [Гадамер 1991: 152].

Первым шагом на пути освоения образного пространства текста целесообразным считаем применение стратегии *идентификации архетипов*, лежащих в основе предконцептуальной ипостаси формирования образов. Такая стратегия реализуется через операции по выявлению концептуальных импликаций, активируемых сигналами архетипических образов, и операции *инференции* передаваемого ими смысла.

Архетип сам по себе еще не является образом, это только эмоциогенное предзнание, предконцептуальные импликации, вызванные бессознательной реакцией первобытного человека на тайные силы природы, неспособностью человека объяснить причину эмоционального состояния, обусловленного окружающей действительностью [Юнг 1997: 64, 90–98]. Аксиомой современной науки является признание единства и взаимодействия эмоции и когниции [Daneš 1987: 180]. Познание сопровождается эмоциями,

в свою очередь, эмоции мотивируют познание [Шаховский 2009: 672]. Категоризация эмоций, концептуализация эмоционального опыта человека формирует, по В.И. Шаховскому, “внутренний эмоциональный лексикон”, который воспринимается как обязательная часть сложной структуры знаний, представленных в сознании [Шаховский 1997: 132]. В контексте нашей работы внутренний эмоциональный лексикон учитывается при описании компонентов предконцептуальной структуры словесного образа в виде схемных образов архетипов как форматов представления знаний о них.

Методика описания схемных образов, или образ-схем (image-schemas) детально разработана в когнитивной лингвистике [см. напр.: Lakoff, Johnson 1999: 161–164; Жаботинская 2002; 2009; Потапенко 2004: 20–24]. Используя эту методику с некоторыми модификациями, мы предлагаем метаязык семантического описания образ-схем архетипов и базовых концептов в терминах семантических узлов, или слотов, содержащих информацию о физическом или эмоциональном опыте, структурных элементах, выражающих внутренний эмоциональный лексикон, и базовой логике. С помощью слота “*физический опыт*” описывается телесный опыт человека, в результате которого признаки, свойства и качества предметов, явлений и событий становятся компонентами значений концепта и используются в номинативной деятельности. Слот “*эмоциональный опыт*” заполняется описанием лингвокогнитивных процедур активации эмоциогенного знания в формировании предконцептуальной структуры словесного образа. Слот “*внутренний эмоциональный лексикон*” содержит набор концептуальных признаков, присущих базовому концепту, и концептуальные импликации, активируемые архетипами. В слоте “*базовая логика*” объясняется логика связей и отношений между концептуальными признаками концепта и физическим опытом человека.

Описание предконцептуальной структуры представим на примере словесного поэтического образа Э. Паунда “*a new day glistens in the old day's room*” (Pound NA, 987). Основой приведенного словесно-поэтического образа выступает базовый концепт области источника ВМЕСТИЛИЩЕ и архетип СВЕТ. В слоте “*внутренний эмоциональный лексикон*” архетипа СВЕТ содержатся следующие концептуальные импликации: *причастность к космосу бытия, стремление к возвышенному, стремление к познанию сути бытия, стремление к знаниям, ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего, ощущение жизненной энергии, чистоты, величия, вечности мироздания*. В словесном поэтическом образе объективируются лишь некоторые импликации – *ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего*, что и составляет его смысл. Из образ-схемы базового концепта ВМЕСТИЛИЩЕ в словесном образе реализуется лишь концептуальный признак *помещение вовнутрь*, воплощенный вербально в предлоге *in*, и признак *ограниченное пространство*, который актуализируется в семантике слова *room*.

Следует различать понятия “архетип” и “архетипический словесный образ”. Архетип, вернее, отдельные его концептуальные импликации, служат основой любого словесного образа, это его внутренняя форма по А.А. Потебне. Архетипические словесные образы отображают фрагменты мифопоэтической картины мира. Они классифицируются нами на образы-сюжеты и образы-символы, в которых путем нарративного картирования воплощаются мифологические, библейские и фольклорные знания о мире.

Архетипические словесные поэтические образы-сюжеты выполняют *познавательно-творческую* функцию, поскольку, отображая известные, архаические сюжеты и мотивы, активизируют фоновые, культурно-энциклопедические знания читателей и тем самым доставляют удовольствие от текста.

Архетипические образы-символы характеризуются *суггестивной* функцией, создавая эмоциональное напряжение, ведущее к замедлению обработки информации. Например, для осмысления словесного образа “*Life is a bowl of cherries*” (Sandburg CP: 660) – “*Жизнь – это чаша с вишнями*” – необходимо знание содержания символов в англосаксонской и скандинавской традициях, где *вишня*, также как и *яблоко*, символизируют *плоды познания добра и зла, дары* [Холл 1997: 43]. Незнание символов приводит к неоднозначным интерпретациям. Как правило, тексты, в которых есть архетипические образы, воплощающие общеизвестные сюжеты и глобальные символы, способствуют прототипическому прочтению. В то время как тексты, содержащие этнокультурные словесные образы, требуют непрототипического прочтения. Степень экспликации смысла таких образов зависит от фоновых и энциклопедических знаний читателя. Так, определенной эрудиции требует раскрытие смысла стихотворения Э. Паунда “*Нельзя украсть луну*” – “*The Moon Can’t Be Stolen*”, написанного в стиле японской хайку:

*Cool winter moon  
shed  
silver pearls in the room  
And you  
took Renahn’s dress  
for recompense  
(MV, Pound: 427)*

Смысл поэтического текста становится понятным лишь при условии знания коанов – коротких буддистских повествований – японской философии, один из которых так и называется “*Нельзя украсть луну*” [Miner, Odagiri 1981: 67–68]. В нем говорится об одном из эпизодов из жизни учителя дзен буддизма, Ренане. Однажды в его скромное жилище проник вор и увидел, что там нечего украсть. Ренан, выражая сочувствие вору, отдал ему свою одежду. Изумленный великодушием хозяина, воришка убежал, а Ренан

промолвил ему вслед: “Бедный юноша, а я хотел подарить тебе еще и луну” [Там же: 69]. Заголовок стихотворения является своего рода словесным образом-параболой, иносказанием, смысл которого – “*вещи не стоят духовных ценностей жизни*”. Интерпретации этого текста способствует и знание литературоведческой критики творчества Э. Паунда. Дело в том, что Эзра Паунд написал эти поэтические строчки в ответ на дискуссию по проблеме реалистического и модернистского метода отображения жизни в поэзии. Отстаивая тезис, согласно которому “образ должен быть эмоциональным и интеллектуальным комплексом”, Э. Паунд выступал против миметического образа (*image-mimesis*) и настаивал на создании образа-притчи (*image-parable*), стимулирующего интеллектуальную деятельность читателя [Pound 1968: 26].

Определенную трудность для интерпретации представляют поэтические тексты, в которых содержатся новообразы – параболы и метаболы. Модернистская парабола – продукт параболического поэтического мышления, выражающегося в создании особых словесных образов, в которых содержание субъектной части образа раскрывается через ряд тематически родственных образов, радиально разворачивающих образное пространство поэтического текста. Примером служит словесный поэтический образ-парабола У. Стивенса в стихотворении “Palaz of Noon” – “Дворец Хоон”:

*It is the natural tower of all the world,  
The point of survey, green's green apogee,  
But a tower more precious than the view beyond,  
A point of survey squatting like a throne,  
Axis of everything.  
(MV, Stevens: 112)*

Словесные поэтические образы: “*the natural tower of all the world, The point of survey*” – “*естественная башня мира, пункт обзора, наблюдения*” и “*green's green apogee*” – “*апогей радостных надежд молодого поэта*” вызывают определенную трудность для интерпретации, поскольку требуют знания интертекста и индивидуальных символов поэта, в частности символа радости, который У. Стивенс воплощает в слове *green* [Frye 1968: 269]. Названные образы заимствованы у В. Йетса “*a poet is the sun's apogee*” – “*поэт – солнца апогей*” и “*his tower-mountain of vision*” – “*его горная вершина наблюдения*”. Они являются метонимией, сквозь призму которой воспринимается имя собственное Palaz of Noon – Дворец Хоон, место, где встречаются поэты для обсуждения своих творческих замыслов.

Проанализируем словесный поэтический образ Денизы Левертов из стихотворения “Избранный путь” – “Road Taken” с целью объяснения механизмов формирования и восприятия образа-метаболы:

*Life is a stage, dev-ill, d-evil, dia-(e)vil*  
*Playing tricks with you*  
*Leading up the stairs*  
*going*  
*down*  
 (Levertov P: 14)

Словесный поэтический образ построен в традициях постмодернизма. В нем используется интертекст: “*All the world’s stage / And all the men and women merely players*” (Shakespeare, *As You Like It?* Act II, scene vii); “*Dev-ill was after us / tricking up like Jehovah*” (H. Doolittle); “*The heavy past plays tricks with me*” (A. Sexton). Тем не менее, в соответствии с художественными принципами постмодернизма происходит адаптация цитат к новому поэтическому тексту [Ильин 1996: 228] и таким образом *интертекстуализация* служит приемом формирования новых словесных образов или переосмысления известных. Дениза Левертон расширяет семантическое пространство образа, заимствованного из стихотворения Хильды Дулитл “*dev-ill was after us*”, продолжая вслед за ней поиски внутренней формы слова дьявол: *dev-ill* – *больной дьявол*, *d-evil* – *зло*, *dia-(e)vil* – *через зло*. В игре с последним она воссоздает славянское звучание этой номинативной единицы. Можно предположить, что это сделано преднамеренно, поскольку Дениза имеет славянские корни в своем происхождении. Игра в постмодерне, в отличие от модерна, заключается в игре смыслами, а не только словами. Это достигается путем дивергенции образа, лишения его предметности. Посредством сочетания дивергентных и конвергентных образов Д. Левертон создает разностороннее описание жизни во всем многообразии её проявления. Жизнь осмысливается и как игра, театр (*a stage*), и как стремление к успеху, к карьере (*up the stairs*), чрезмерное увлечение которой может привести к краху (*going down*).

Апогеем поэтического творчества является не только новое освещение старых истин, но и создание такого словесного поэтического образа, который не имеет аналогов, приводит к нарушению и даже разрушению устоявшихся взглядов на привычные явления и события жизни, что вызывает внезапное озарение в понимании сути вещей. Такой словесный поэтический образ мы называем *кенотипом*. Он осуществляет “концептуальный прорыв” в понятийной системе человека. Спецификой формирования нового образа является создание не просто новой информации, а интересной, связанной с когнитивной гармонией, суть которой заключается в том, чтобы в новом, неизвестном, читатель способен отыскать знакомое, привычное, приятное, понятное [Молчанова 2007: 152]. Однообразие убивает эмоции. Чувства нового, острого является необходимым для возникновения эмоций “гностицизма” [там же]. Именно они обеспечивают когнитивную гармонию при интерпретации поэтического текста, удовлетворение от которой включает



эвристический механизм обработки знания – *схему озарения*. Следовательно, условием формирования кенотипного словесного поэтического образа является ориентация на интерес, заинтересованность. Новое, акт удивления возникает тогда, когда есть конфликт с устоявшимися понятиями. Такой конфликт, или *бисоциация* как когнитивная операция связывания двух несовместимых понятий или явлений ощущается при прочтении текста, в котором прослеживается разрушение привычных схем знания. Например, стихотворение Р. Блая “Elaborating Malevich” – “Развивая Малевича” содержит только один словесный поэтический образ-метаболу: “*Black Square pours Black Light on me / sending Knowledge like Revelation: / Non-Epicurian ataraxy*” (ВАР, Bly: 12). Оксюморон *Black Light* разрушает базовую концептуальную метафору СВЕТ – ЭТО ЗНАНИЕ. Отправной точкой интерпретации приведенного словесного поэтического образа, ориентиром осмысления его содержания является заглавие стихотворения, которое “размыкает замкнутые горизонты мысли” читателя [Мамардашвили 1996: 53], сигнализируя о необходимости активизации фоновых, энциклопедических знаний. Содержание поэтических строк: “*смысл бытия постигается через осознание гармонии Вселенной, осмысление понятий бесконечности и абсолюта космического Ума, понимание законов единства и противоположности*”, – выводится путем параболического осмысления картины супрематиста К. Малевича и проекции знаний, почерпнутых в искусствоведении, о нарисованном черном квадрате на поэтический текст. Черный квадрат, символизирующий Космос, абсолютное знание, персонифицируется в тексте в виде поэтической метафоры: черный квадрат льет черный свет, посылая знание как откровение.

Вторым ориентиром интерпретации выступает аллюзивное словосочетание *Non-Epicurian ataraxy*, содержащее свернутое знания о философии жизни античного мыслителя Эпикура. Атараксия – понятие древнегреческой этики о душевном покое как цели и манере поведения, к которым должен стремиться человек. Как высший идеал жизни атараксия связывается с внутренней свободой личности, освобождением от страданий [Философский словарь 1989: 12]. По мнению Эпикура, мудрость, как высшее благо, заключается в исследовании причин страданий, самым сильным из которых является страх перед смертью и особенно перед тем, что ожидает человека в загробной жизни, потому, признав смертность души и этим преодолев страх смерти, человек достигает внутренней свободы и душевного покоя [Эпикур 1969: 356–358]. В своем словесном поэтическом образе Р. Блай сталкивает эпикуровское понимание смысла жизни с его осмыслением в постмодернистскую эпоху. Концептуальный оксюморон – АТАРАКСИЯ противоречит КОСМОСУ БЫТИЯ – лежит в основе образа-метаболы. Энигматичность образа снимается раскрытием механизма нарративного картирования знаний, определенных в его словесной ткани. Знание о том, что черный квадрат К. Малевича является космосом, космическим умом, актуализируется в оксюмороне *Black Light* – Черный Свет. На наш

взгляд, непрототипическое прочтение подобных поэтических текстов, требующих привлечения различных когнитивных операций, приносит интеллектуальное наслаждение и способствует возникновению эмоционального отклика читателя.

Подводя итоги, следует отметить, что различные типы словесных поэтических образов, подчиненные общей эстетической функции в поэтическом тексте, выполняют свои специфические функции, обеспечивая тем самым целостность и связность поэтического текста. Определение этих функций и механизмов формирования словесных поэтических образов американской поэзии способствует адекватной интерпретации поэтического текста, пониманию движения поэтической мысли и способов её воплощения в ткань поэтических произведений, характера взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов в становлении и развитии словесных поэтических образов.

Алгоритм прочтения поэтического текста включает когнитивные процессы симуляции, декодирования и эмпатизации, которые осуществляются через когнитивные операции активации знаний об архетипах, экспликации способов их активизации и актуализации в тексте, выявления видов картирования как механизмов создания образности, инференции имплицитных смыслов, операций ассоциации и бисоциации, объясняющих причины возникновения эмоционального резонанса [Воробьева 2006; Воробйова 2008].

Предконцептуальной основой идентификации эмоционально-эстетической оценки признается способность читателя к подсознательной ментальной симуляции, то есть имитации образов, состояний, чувств соответствующих тем, которые отображены в поэтическом тексте. Такая симуляция является результатом действия когнитивных процедур согласования, столкновения и пересечения стереотипных читательских и актуализированных текстовых схем знания. В результате действия этих процедур происходит активация когнитивного механизма эмпатии, который рассматривается нами как способность человека узнавать эмоциональные состояния благодаря априорным и фоновым эмоциогенным знаниям и сочувствовать им. Эмпатия является необходимым условием сотворчества автора и читателя.

Стереотипные и архетипные словесные поэтические образы служат своего рода «якорями» (anchors) освоения образного пространства, поскольку они удерживают читателя в русле прототипического прочтения текста. Что касается новообразов, то они обеспечивают открытость поэтического текста, предоставляя читателю свободу интерпретации.

**Перспективу** дальнейших исследований видим в разработке стратегий интерпретации текстов различных жанров и форматов, а также обнаружении характера ограничений на свободу интерпретации и на применение тех или иных когнитивных операций, ведущих к искажению смысла текста.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Категории поэтики в смене литературных эпох / [Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А.] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 3–38.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекст / И.В. Арнольд. – СПб. : Изд-во СПб. ун-а, 1999. – 444 с.
3. Барт Р. Семиотика. Поэтика: Избранные работы 1985–1980 / Р. Барт ; пер. с фр. : [ред. Г.К. Косиков]. – М. : Изд. группа «Прогресс», «Университет», 1994. – 667 с.
4. Безребра Н.Ю. Лінгвостилістичний та семантико-когнітивний аспекти поетики Е. Дікінсон : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Н.Ю. Безребра – К., 2007. – 19 с.
5. Белехова Л.І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії) : монографія / Л.І. Белехова. – Херсон : Айлант, 2002. – 368 с.
6. Воробей Н.В. Етнокультурна картина світу в афро-американській поезії: лінгвокультурологічний та лінгвокогнітивний аспекти : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Н.В. Воробей. – Херсон, 2011. – 20 с.
7. Воробьёва О.П. Реализация установки на читателя в аспекте культурно-лингвистической традиции / О.П. Воробьёва // Язык и история: проблемы лингвокультурной традиции : тез. всесоюз. науч. конф. / ИЯ АН СССР. – М., 1989. – С. 12–14.
8. Воробьёва О.П. Фактор адресата и проблема множественности интерпретаций художественного текста / О.П. Воробьёва // Понимание и рефлексия : материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. Ч. 2. – Тверь, 1992. – С. 36–39.
9. Воробьёва О.П. Текстовые категории и фактор адресата : монографія / О.П. Воробьёва. – Киев : Вища школа, 1993. – 199 с.
10. Воробьёва О.П. Эмотивность художественного текста и читательская рефлексия / О.П. Воробьёва // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995. – С. 240–246.
11. Воробьева О.П. Вирджиния Вульф в аспекте языковой личности: когнитивный этюд / О.П. Воробьёва // Язык и транснациональные проблемы : материалы Междунар. конф. / ИЯ РАН, Тамбовский гос. ун-т, Ин-т развития языка и литератур (Австрия, Вена), 22–24 апреля 2004 г. – М., Тамбов, 2004. – С. 50–56.
12. Воробьёва О.П. Эмоциональный резонанс сквозь призму ментальной симуляции / О.П. Воробьёва // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов (ИЯ РАН, Тамбовский ГУ имени Г.Р. Державина, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 26–28 сентября 2006 г.), Тамбов, 2006. – С. 46–48.

13. Воробйова О.П. Поетика хвиль в контексті емоційного резонансу (нарис з когнітивної емотіології) / О.П. Воробьєва // Мова, культура й освіта в сучасному світі : зб. наук. праць до 90-річчя д. філол. н., проф. Романовського О.К. : [відп. ред. Стишов О.А.]. – К., 2008. – С. 126–135.
14. Воробьєва О.П. Вирджиния Вулф и поэтика инсайта / О.П. Воробьєва // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 764–776.
15. Воробьєва О.П. Словесная голография в пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф: модусы, фракталы, фузии / О.П. Воробьєва // Когниция, коммуникация, дискурс : Международный электронный сборник научных трудов: Направление Филология. – № 1. – Харьков, 2010. – С. 47–75.
16. Воробйова О.П. Равлик і метелик у вирі буття: когнітивні аспекти / О.П. Воробьєва // Вісник Київського національного університету. Серія Філологія. – 2011. – Том 14, № 1. – С. 25–35.
17. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер; пер. с нем. – М. : Искусство, 1991. – 367с.
18. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
19. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
20. Горчак Т.Ю. Словесний образ-символ в американській поезії ХХ століття: когнітивно-семіотичний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Т.Ю. Горчак – К., 2009. – 20 с.
21. Димитренко Л.В. Когнітивні та лінгвостилістичні особливості поетичного образу (на матеріалі американської поезії ХХ ст.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Л.В. Димитренко – Одеса, 2000. – 19 с.
22. Жаботинская С.А. Ономазиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики / С.А. Жаботинская // С любовью к языку : сб. науч. трудов, посвященных Е. С. Кубряковой. – М., Воронеж, 2002. – С. 115–123.
23. Жаботинская С.А. Принципы создания ономазиологических моделей и событийных схем / С.А. Жаботинская // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 381–400.
24. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
25. Золян С.Т. Семантические аспекты поэтики адресата / С.Т. Золян // Res Philologica : сб. ст. ; [ред. Д.С. Лихачов]. – М.–Л., 1990 – С. 351–356.
26. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 256 с.

27. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1996. – 848 с.
28. Ляпон М. Парадокс как отражение когнитивной стратегии: Бродский и Цветаева / М. Ляпон. // Иосиф Бродский: стратегии чтения. – М., 2005. – С. 83–75.
29. Ляшик О.А. Жанрова специфіка композиційно-сміслової структури поетичного тексту: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.А. Ляшик. – К., 2004. – 19 с.
30. Мамардашвили М.К. Стрела познания / М.К. Мамардашвили. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 396 с.
31. Маріна О.С. Контрастивні тропи і фігури в американській поезії модернізму: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.С. Маріна. – К., 2004. – 19 с.
32. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке : монография / Ж.Н. Маслова. – Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. – 280 с.
33. Молчанова Г.Г. Английский язык как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация : учебное пособие / Г.Г. Молчанова. – М. : ОЛМА Медия Групп, 2007. – 384 с.
34. Мороз О.Л. Лінгвокогнітивні та лінгвостилістичні засоби реалізації тональності поетичного тексту : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.Л. Мороз. – Херсон, 2012. – 20 с.
35. Муратова В.Ф. Ідіолект Патріка Зюськінда: лексико-граматичний і стилістичний аспекти : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / В.Ф. Муратова. – Херсон, 2012. – 20 с.
36. Ніконова В.Г. Концептуальний простір трагедійного в п'єсах Шекспіра: поетико-когнітивний аналіз : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / В.Г. Ніконова. – К., 2008. – 32 с.
37. Потапенко С.І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (Досвід лінгвокогнітивного аналізу) : монографія. / С.І. Потапенко. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с.
38. Редька І.А. Словесна синестезія і словесна поетична синестезія як способи вираження авторської сенсорики у поетичному тексті (на матеріалі американської жіночої холодної та гарячої поезії / І.А. Редька // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО КНЛУ: філологія, педагогіка, психологія. – 2007. – Вип. 14. – С. 27–32.
39. Стрільчук А.В. Синтаксична організація текстів сучасної американської поезії: когнітивно-семіотичний та синергетичний аспекти : автореф. дис.

- на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / А.В. Стрільчук. – К., 2009. – 20 с.
40. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / И.А.Тарасова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 280 с.
  41. Трофимова Ю.М. Лингвистика поэтического текста: поэтический язык и поэтическое содержание / Ю.М. Трофимова // Язык. Культура. Коммуникация : [ред. С.А. Борисов]. – Ульяновск, 2009. – С. 225–231.
  42. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика : учебное пособие / З.Я.Тураева. – [3-е изд.]. – М. : Книжный дом ЛИБРИКОМ, 2012. – 144 с.
  43. Тюкина С. Онтологический каркас поэзии Иосифа Бродского / С. Тюкина // Иосиф Бродский: Стратегии чтения. – М., 2005. – С. 76–90.
  44. Філіпчик О.Й. Синтаксичні засоби створення образу (на матеріалі сучасної американської поезії): : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.Й. Філіпчик. – Одеса, 2000. – 17 с.
  45. Шаховский В.И. Эмотиология в свете когнитивной парадигмы языкознания / В.И. Шаховский // К юбилею ученого : сб. науч. трудов, посвященных юбилею Е.С. Кубряковой. – М., 1997. – С. 130–135.
  46. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике / В.И. Шаховский // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 671–683.
  47. Шурма С.Г. Поетика образу та символу в американському готичному оповіданні: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі новелістики Е. По, А. Бірса та Г. Лавкрафта) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / С.Г. Шурма. – К., 2008. – 20 с.
  48. Щирова И.А. Текст в период доминирования когнитивных наук: проблемы и возможные решения / И.А.Щирова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 723–735.
  49. Эпикур. Из письма к Менеккею / Эпикур // Антология мировой философии. – М., 1969. – С. 354–359.
  50. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии в XIX – XX в. / М.Н. Эпштейн. – М. : Советский писатель, 1988. – 416 с.
  51. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе : учебное пособие для вузов / М.Н. Эпштейн. – М. : Высшая школа, 2005. – 495 с.
  52. Юнг К.–Г. Душа и миф: Шесть архетипов / К.–Г. Юнг; [пер. с англ.]. – К. : Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. – 324 с.
  53. Юнг К.–Г. Сознание и бессознательное / К.–Г. Юнг; [пер. с англ.]. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 544 с.
  54. Юнг К.–Г. Человек и его символы / К.–Г. Юнг; [пер. с англ.]. – СПб. : Б.С.К., 1996. – 646 с.
  55. Campbell J. The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as

- Religion / J. Campbell. – N.Y., Toronto : Harper and Row Publishers, 1988. – 286 p.
56. Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field / F. Daneš // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists : [ed. by W. Barner, J. Schmidt, D. Viehweger]. – Berlin, 1987. – P. 168–179.
57. Eco U. Interpretation and Overinterpretation / U. Eco. – Cambridge, N.Y., Sydney : Cambridge University Press, 1992. – 152 p.
58. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
59. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 190 p.
60. Fauconnier G. The dark matters of semantics / G. Fauconnier // 4-th Cognitive Linguistics Conference (London, King's College, 10-12th July, 2012) : Book of Abstracts. – London, 2012. – P. 1.
61. Fauconnier G. Principles of conceptual integration / G. Fauconnier, M. Turner // Discourse and Cognition: Bridging the Gap : [ed. by J. R. Koenig]. – Stanford, 1998. – P. 269–283.
62. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.
63. Freeman M. Emily Dickinson and the discourse of intimacy / M. Freeman // Semantics of Silence in Language and Literature : [ed. by G. Grabher, U. Jessner]. – Heidelberg, 1996. – P. 191–210.
64. Freeman M. Metaphor making meaning: Dickinson's conceptual universe / M. Freeman // Journal of Pragmatics. – 1995. – No. 24. – P. 643–666.
65. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // The Cognitive Theory of Literature: State of the Art and Application to English Studies. – ESSE 4, Debrecen, Hungary, 1997. – P. 103–123.
66. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective : [ed. by Antonia Barcelona]. – Berlin, N.Y., 2000. – P. 253–283.
67. Frost R. Dust of Snow. [el. ref.] режим доступа : <http://www.poemofquotes.com/R.Frost.Dust.of.Snow.php.analysis.2012/htm>.
68. Frye N. The realistic oreole: A study of Wallace Stevens / N. Frye // Modern Poetry: Essays in Criticism : [ed. by J. Hollander]. – Oxford, 1968. – P. 267–284.
69. Gibbs R.W., Jr. Process and products in making sense of tropes / R.W. Gibbs // Metaphor and Thought : [ed. by A. Ortony]. – Cambridge, 1993. – P. 252–276.
70. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. – Cambridge : Maison des Science de L'Homme

- and Cambridge University Press, 2000. – 224 p.
71. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // *Metaphor and Thought* [ ed. by A. Ortony]. – Cambridge, 1993. – P. 202–251.
  72. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind* / G. Lakoff. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
  73. Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M Johnson. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – 242 p.
  74. Lakoff G. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y. : Basic Books, 1999. – 624 p.
  75. Lakoff G. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor* / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
  76. Ljungberg Ch. Models of Reading: Diagrammatic Aspects of Literary Texts / Ch. Ljungberg // *Journal of Literary Semantics: An International Review*. – 2006. – Vol. 35-1. – P. 105–128.
  77. Miall D.S. Beyond Interpretation: The Cognitive Significance of Reading / D.S. Miall // *Journal of Literary Semantics : An International Review. Journal of Literary Semantics: An International Review*. – 2006. – Vol. 35-1. – P. 129–155.
  78. Miner E. *The Monkey Straw Raincoat and Other Poetry of Basho School* / E. Miner, Y. Odagiri. – Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 1981. – 142 p.
  79. Pound E. A few don'ts by an imagist / E. Pound // *Imagist Poetry* [ed. by P. Jones]. – L., 1972. – P. 130–134.
  80. Pound E. *Melopoeia, phanopoeia, and logopoeia* / E. Pound // *Twentieth Century Poetry: Critical Essays and Documents* : [ed. by G. Martin and P. N. Furbank]. – L, 1975. – P. 21–22.
  81. Semino E. *Language and World Creation in Poems and Other Texts* / E. Semino. – L.; N.Y. : Longman, 1997. – 274 p.
  82. Stockwell P. *Cognitive poetics. An introduction* / P. Stockwell. – L. et al. : Routledge, 202a. – 234 p.
  83. Stockwell P. *Milonic texture and the feeling of reading* / P. Stockwell // *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis* : [ed. by E. Semino and J. Culpeper]. – Amsterdam, Philadelphia, 2002b. – P. 73–94.
  84. Tsur R. *Toward a Theory of Cognitive Poetics* / R. Tsur. – Amsterdam : Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.
  85. Turner M. *The Literary Mind: The Origin of Thought and Language* / M. Turner. – N.Y., Oxford : Oxford University Press, 1998. – 187 p.
  86. Vorobyova O.P. *Linguistic Signals of Addressee-Oriented in the Source and Target Literary Text: A Comparative Study* / O.P. Vorobyova // *CLS 32: Papers from the Parasession on "Theory and Data in Linguistics"* (April 11–13, 1996, University of Chicago). – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1996. – P. 165–175.



87. Wilson R. Introduction: Poetic endeavor / R. Wilson // Bibliography of Denise Levertov. – N.Y. : Phoenix Book Shop, 1994. – P. i-xxxii.

### **СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА**

1. Философский энциклопедический словарь / [ред. С.С. Аверинцев]. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
2. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл ; [пер. с англ.]. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 656 с.

### **ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА**

1. **BAР** – The Best American Poetry 1995 / [ed. by R. Howard]. – N.Y.; L.; Toronto, etc.: A Touchstone Book, Publ. by Simon & Shuster, 1996. – 303 p.
2. **Frost CP** – Frost R. Complete Poems of Robert Frost. – N.Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1962. – 666 p.
3. **Levertov P** – Levertov D. Poems 1968-1972. – N.Y. : New Directions Publishing Corporation, 1987. – 259 p.
4. **MV** – The Pocket Book: Modern Verse / [ed. by O. Williams]. – N.Y. : Washington Square Press, Inc., 1958. – 635 p.
5. **NA** – The Norton Anthology of American Literature: Third Edition – N.Y., L. : W.W. Norton & Company, 1989. – 2856 p.
6. **OB** – The Oxford Book of American Verse – N. Y. : Oxford University Press, 1950. – 1132 p.
7. **PA** – The Postmoderns: The New American Poetry Revised / [ ed. by D. Allen and G. F. Butterick]. – N.Y.: Grove Weidenfeld, 1982. – 436 p.
8. **Sandburg CP** – Sandburg C. The Complete Poems / Sandburg C. – San-Diego; N. Y.; L.: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1970. – 797 p.

*Белехова Лариса Ивановна* – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания Херсонского государственного университета; e-mail: lorabelehova@mail.ru